

Прочитала книгу «Озёрное чудо» — отличная, живая книга. Говорю это не для того, чтобы потешить авторское честолюбие, а потому что встреча с художественными произведениями — это нынче большая редкость и радость. Современная литература, на мой взгляд, выпекается, за небольшим исключением, как быстрая журналистская проза с разными тенденциями, часто без меры, или авторы просто ломаются, как сдобные сухари, и выдают шедевры-фокусы (или, как говорили во времена моей молодости: «Это не что либо, либо что, а не что иное, как вообще»).

Прозревший кричит: «Вижу!», так и я, как читатель, радуюсь, что вижу Ваших героев. Благо Вы их не описываете, Вы их показываете.

Рассказ «Купель» восхитителен (на мой взгляд, его можно было бы сравнить со «Старик и море» Хэмингуэя, хотя мне такие сравнения и

не очень нравятся, просто не могу иначе сформулировать, но там по звуку католический хорал, а у Вас от гармошки до «Господу Богу помолимся...»). Дед Хап говорит слова простые, всем известные, как жить, не беря греха на душу, по ним и поступает, а выходит, что он-то и есть «блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Дед Хап (рыбак до самой смерти — умирать собирайся, а рожь сей) сохранил в себе образ Божий, а правнук Кольша, считающий, что дед умом ворохнулся, уже не понимает, о чём речь идёт. Так мир изменился, что озеро для Кольши больше не Божья купель...

Запоминается сбор ягод — «синим-синё» — в повести «Утоли мои печали» и рассказ «Очарованная явь, или Подлёдный лов хариуса на Байкале» (как будто там побывала! да на морозце!). «Озёрное чудо», «Ленский варнак», «Дураки. Байкальский сказ» — всюду неведомая мне, москвичке, жизнь, но написанная автором с такой любовью и болью, что проникаешься интересом и сочувствием к героям. Рассказ «Дворник. Сказ о захолустном писателе» перечитала дважды, сначала весело посмеялась, потом стало грустно. Шутки шутками, мужицкие прибаутки (справедливые), а много серьёзного писатель тут высказал. Корешки в каморке и злодейские корешки в жизни (Гнедой, Карл Моисеевич и т.д.). Очень хорош абзац «Даже старинные приятели, с кем пуд соли съел», а последний — «Вернувшись в дворницкую камору...» — это как у Гоголя и Толстого — от творчества к учи-

тельству или в дневниках Пришвина: «2 октября 1934... мне поэзия должна быть как молитва». «Тёща моя — не Пушкин», «Бабы тропы» читал?», «...с грустью помянул слова писателя Михайлова», — картина знакомая, что в Москве, что в Иркутске...

О чём бы Анатолий Байбородин в книге не писал, а лейтмотив один, есенинский — «Душа грустит о небесах, она нездешних нив жилица». Грустят, но не знают, как к небесам подобраться (никто с ними не говорил об этом), и потому маются, наломав дров в своей и чужой жизни, и влюблённые герои в повестях «Горечь» и «Белая степь».

Думала о том, почему критики упрекали писателя в «этнографизме, фольклоризме и словесном орнаментализме». То есть в провинциализме по сути. А ведь почти вся Россия XIX века, да и XX — это провинция (и Лесков, и москвичи Иван Шмелёв и А. Островский, и Бунин и др.). Подобный упрёк — это в сущности повторение лозунга: «Даёшь газетный язык!» А Байбородин предлагает медленное чтение, чтение-погружение в родовой (русскую, старообрядческую и бурятскую степную) почти забытую, что вызвала его на свет Божий и следит за ним с неба... И он должен писать, выполняя её таинственный, в крови живущий наказ. Как писал в 1952 году Михаил Пришвин: «Я пишу, значит, тем самым я переживаю свою национальность, переживаю ее в себе, как конь переваривает траву, чтобы бежать вперед по своему назначению. Да, я переживаю свою национальность, я тружусь, я мучусь и, наконец, как из темного леса, выхожу на простор».

А вокруг — городской ритм, событие за событием, ни у кого времени нет очухаться... «Из края в край, из града в град //Судьба, как вихрь, людей метёт...» — писал Тютчев ещё в 1834 году... И все всё бегут! Не останавливаться же? А тут Байбородин со своим фольклором... Не в словарь же Даля заглядывать? А может, именно туда и надо заглядывать? Может, из глубины-старины и понятней день сегодняшний?

Очень люблю Н.С. Лескова, и часто перечитываю его рассказ о случайно напроказивших выпивших мужиках «Грабёж» (вот оттуда: «Ах, господа, как надойдёт воровской час, то и честные люди грабят». «Разве вы, братец, не знаете, какое у нас орловское положение? Постоянно с ворами, и день и ночь от полиции запираемся»). Чем не день сегодняшний? А концовка рассказа — да нам такие представления о нравственности и не снились! Не только деньгами расплатились купцы, но и на богомолье молодой герой отправился...

Теперь о словесном орнаментализме. Это как сладостный аромат розы. Магазинные розы почти не пахнут, потому что выведены из гибридных сортов, удобных к транспортировке. А ведь именно ароматом цветов и запоминается, потому что при нынешних технологиях легко создать розу, почти не отличающуюся внешне от настоящей... Без словесного орнамента, без языка — что за проза?!

И последнее. Анатолий Байбородин относится к тем настоящим русским писателям, кои не позволяют, чтобы «распалась связь времён». Не сочтет писатель за лесть, мысленно ставлю его вслед за Николаем Лесковым и Иваном Шмелёвым — дух тот же.